

Ян Кошкарёв

ФАБРИКА

#17

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

16+

2018

Ян М. Кошкарев

Фабрика #17

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кошкарёв Я. М.

Фабрика #17 / Я. М. Кошкарёв — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Несостоявшийся писатель работает журналистом в местной газете провинциального городка. Выполняя поручение главного редактора, попадает на выставку детского рисунка, где среди множества детских работ видит изображенное на белом полотне ужасное женское лицо со следами увечий — у девушки на портрете вырван язык. Автор картины — немая девочка, удочеренная из детдома. Картина потрясает журналиста и не выходит из его головы, доводя до бессонницы. Возвращаясь после общения со старым другом домой, журналист замечает открытую дверь в соседнюю квартиру. Войдя, обнаруживает труп старушки, убитой тем же способом, что и на рисунке девочки...

© Кошкарёв Я. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

ЧАСТЬ #I. ВИШНЕВОЕ ПОВИДЛО	5
#1.	5
#2.	10
#3.	13
#4.	16
#5.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ЧАСТЬ #1. ВИШНЕВОЕ ПОВИДЛО

#1.

Ленка торопливо одевалась, пока Коренев лежал и наслаждался видом ее идеальных ягод. Если бы она не опаздывала на работу, завалил бы ее еще разок и снял одежду по второму кругу. Процесс обнажения возбуждал его едва ли не больше, чем само женское тело.

Ленка скользнула в платье, шутливо хлопнула по руке, забравшейся под подол, и убежала. На лестничной площадке с кем-то столкнулась и поздоровалась.

Коренев никуда не собирался и выполз из-под одеяла после обеда. Выскреб чайный мусор со дна жестяной банки и залил кипятком. Выждал пару минут и отхлебнул. Увы, металлический привкус кипяченой воды одержал победу над вкусом вываренных опилок.

Позвонил Ваня – молодой человек с синюшным лицом и по совместительству главный редактор «Вечернего города» – и без приветствий и предисловий потребовал:

– Андрей, немедленно дуй к выставочному центру!

– Очередные достижения народного хозяйства? – предположил Коренев с кислой миной презрения к «местной самодеятельности».

– Конкурс детского рисунка.

Иногда внутренний бес нашептывал Кореневу оставить законы приличия и удариться в гонзо-журналистику – грязную, грубую, необъективную, но живую. Разврат, алкоголь и полная свобода. Там точно нет места детским рисункам.

– Обалдел, что ли? – возмутился он. – Я такой ерундой не занимаюсь. Карапетяна отправь, он фотографом на утренниках халтурит, ему не привыкать с мелюзгой возиться.

Через месяц Ваню женили. Он поддался увещаниям матери, грезящей о внуках, и согласился на первую же кандидатуру. Но под действием алкоголя плакался всякому встречному заплетающимся языком: «Эта чертова Федотова, конечно, дура, но с мамой они спелись замечательно».

– Сходи, полюбуйся, черкани статейку. Зуб даю, понравится. Ты личность творческая, можно сказать, писатель с мировым именем, оценишь по достоинству.

– Еще одна подобная шутка – и рассчитаюсь, – пригрозил Коренев, жалея, что проболтался о рукописи. – И детские рисунки засунь в соответствующие места. У тебя «заказуха» есть на примете? Деньги нужны.

– Кому они не нужны? – заметил Ваня. – А вот выставка хороша. Вчера сходил, получил заряд эстетического наслаждения, теперь твоя очередь. Мне, как бы выразиться точнее, в момент посещения нездоровилось...

– Скажи честно, нажрался.

– ...поэтому ничего не запомнилось, кроме общего приятного впечатления.

– Ерунда какая-то! Детский сад...

– Не занудствуй, с таким подходом долго не протянешь, помрешь молодым. Веселей на жизнь смотреть надо, с оптимизмом, а я тебе заказ подыщу, намечается клиент. Кстати, захвати Оленьку, пусть сляпает фотоотчет для коллажа.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Будто самой по себе выставки мало, чтобы испоганить весь настрой.

– Ваня, можно без нее? Она же тупая, как пробка, и горизонт заваливает на правую сторону. Я на «мельницу» лучше щелкаю.

– Пусть учится, зачем я ей «зеркалку» покупал? Она платные курсы закончила! – возмутился Ваня придушенным голосом. – И вообще, кто тебе разрешил болтать о ней гадости?

– Сам-то ты их говоришь постоянно.

– Мне можно, я пострадавшая сторона, – прошептал главный редактор и положил трубку.

Оленька (зашедший в редакцию Виталик как-то пошутил, что это имя произошло от слова «олень», и в наказание за острый язык был бит увесистой женской сумкой по голове) получила работу по просьбе тети Лили – подруги Ваниной мамы. По ее рассказам, Оленька обладала тягой к прекрасному и глубокими познаниями в композиции. Реальность входила в резкий контраст с резюме – тяга имелась, а вот с познаниями не срослось.

Отсутствие способностей не мешало Оленьке щеголять железобетонной уверенностью и маниакальной целеустремленностью. Непреодолимые крепости она брала измором.

Коренев схватил диктофон и побежал забирать Оленьку у соседнего подъезда, пока она не разнервничалась. Она всегда опаздывала, но возмущалась, если задерживался кто-то другой.

Оленька вышла на задание в полном боевом облачении. Серое пальтишко, высокие каблуки и ногти, каждый из которых – самостоятельное произведение искусства. Фотоаппарат с огромным объективом-телевиком болтался на плечевом ремне и внушительным размером подчеркивал беспрецедентную квалификацию владельца.

– Я готова! – сообщила она.

– А я нет, – пробормотал Коренев.

Пустились в путь, застревая у каждого куста, чтобы сделать пару снимков – то ей бездомный котик приглянулся, то облачко распрекрасное попало, то «гляди-гляди, какой у птички клювик». Редакция с нетерпением ждала, когда в соответствии с диалектическим материализмом количество снимков перейдет в качество.

– Пришли, – известила она при виде стенда.

Выставочный центр

Выставка воспитанников художественной студии В. Л. Тронько

«Апокалипсис глазами ребенка»

Бумагу на щите прилепили вкривь и вкось. Угол от сырости отклеился и трепыхался на ветру флагом враждебной державы.

– Идиоты, – проворчал Коренев. – Не выставка воспитанников, а выставка картин воспитанников!

– Вечно ты недоволен, – сказала Оленька и прошла в фойе. – Как тебя Ваня терпит? Я бы на его месте тебя выперла из редакции за вредный характер и кислую рожу.

Разделись в гардеробе под пристальным взглядом старушки в сиреновом вязаном берете. Их куртки оказались единственными, однако гардеробщица повесила обе на один номерок – триста двадцать третий.

Купили в кассе билеты и, пройдя по голубым указателям на полу, отыскали нужный зал. Коренев задал в пустоту вопрос «Есть тут кто?», но ответа не дождался и в шутку спросил «Is anybody here?» с тем же результатом.

Детские картинки маслом и акварелью, вставленные в пластмассовые рамки «под дерево», расплзлись по сиреновым стенам под цвет берета гардеробщицы. Бумажка в уголке каждого «шедевра» сообщала название и имя-возраст автора.

– Горизонт не заваливай! – взмолился Коренев.

– Андрей, где ты видишь горизонт? Мы в помещении!

– Стой прямо и не раскачивайся! Вечно у тебя перекашивает на одну сторону.

– Это «голландский угол», – ответила Оленька снисходительно.

– Оля, вот начнешь снимать фильмы ужасов, тогда суй угол хоть в каждый кадр, а пока обойдемся без творческих изысков.

Оленька стянула с объектива крышку и направила телевик на ближайшую картину. В кадр ничего не влезло, и она начала пятиться, пока не уткнулась спиной в стену.

– Места не хватает, помещение маленькое, – пожаловалась она и смахнула сиреневую побелку с плеча.

– Для интерьерных съемок берут широкоугольник, – Коренев испытал извращенное удовлетворение от очередного прокола горе-фотографа.

– Фу, от него искажения большие, будто через аквариум глядишь...

Коренев дал себе зарок терпеть молча.

– Не сорваться бы, – пробормотал при виде мучений Оленьки.

– Что ты там бормочешь? Опять какие-нибудь гадости? – спросила она с подозрением и перешла на серийную снимку.

– СНИМАТЬ ЗАПРЕЩЕНО!!! – взвизгнул неизвестно откуда взявшийся мужчина. – Экспозиция предназначена исключительно для просмотра!

Оленька по инерции сделала несколько снимков в серийном режиме, прежде чем опустить фотоаппарат. На последнем кадре запечатлелся кусок розовой ткани с пуговицей – сорокапятiletний мужчина по неведомой причине предпочитал рубашки неординарных расцветок.

– Удалите фотографии! – потребовал мужчина и потянулся рукой к объективу, но Оленька увернулась и спряталась за Коренева.

– Мы из газеты «Вечерний город» и хотели бы опубликовать заметку о мероприятии, – Коренев вытащил из заднего кармана штанов «корочку» журналиста. – Хотелось бы взять у кого-нибудь интервью по поводу выставки...

– Газета? – переспросил мужчина. Он выпрямился, втянул живот и уточнил на всякий случай: – Это бесплатно? Рекламный бюджет ушел на стенд, поэтому мы не можем позволить...

– Абсолютно даром, не беспокойтесь.

– Тогда разрешите представиться. Вадим Леонидович, руководитель художественной студии.

– Очень приятно, – Коренев включил древний диктофон. – Расскажите, пожалуйста, почему у конкурса детского рисунка такая недетская тема.

– Вы недооцениваете детей. Я работаю с ними в студии, и многие из них умнее взрослых.

– Это так, – Кореневу часто попадались глупые взрослые. – Но тема смущает.

– Понимаете, как говорил классик «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Отсюда проистекает самый важный принцип настоящего искусства. Увидите, к примеру, радугу, пейзаж – конечно, приятно, красиво, умиротворенно, но до жути однообразно и забудется, стоит только отвернуться. Нет страсти, нет сопереживания, нет сочувствия, нет конфликта. А искусство строится на противоречиях и борьбе сторон. Возьмите бушующее море – оно само в себе конрадикция, на него интересно смотреть, хочется узнать его тайну – чем недоволено, что заставляет его выходить из берегов. Каждая волна – пересечение линий и интересов.

– Это, конечно, так... – Коренев понимал Вадима Леонидовича, отчасти признавал его правоту, хотя и продолжал сомневаться в значении слова «контрадикция», но все же полностью согласиться не мог: – У детей будут еще трудности в будущем, зачем спешить вываливать на них взрослые проблемы?

– Ошибаетесь, это именно тот возраст, в котором формируется понимание, что жизнь состоит из проблем, и нужно учиться с ними жить – игнорировать, преодолевать, приспособливаться. Художник из большой беды извлекает вдохновение. Искусство должно быть голодным и босым.

– Вы пессимистично смотрите на жизнь.

– Позвольте не согласиться. Даже настоящая радость – обязательное следствие успешного преодоления трудностей. Наше существование – борьба. Если поразмыслите, непременно согласитесь.

Коренев обещал подумать. Оленька ушла в дальний угол и оттуда целилась в них объективом.

– А почему ваш фотограф так далеко стоит? – прошептал Вадим Леонидович.

– Болеет, – с серьезным лицом ответил Коренев.

Он не представлял, о чем писать. Ну висят эти картинки, ну живописуют дети виды апокалипсиса в меру своих умений и представлений. Надо признать, некоторые отлично рисуют, но писать-то что? Ваня требуемый объем не оговорил, словно воспользовался статьей в качестве предлога, чтобы принудить взглянуть на эту детскую мазню.

Побрел вдоль сиреневых стен в поисках вдохновения. Картины группировались по возрасту художников – сначала шли невинные и беззаботные рисунки восьмилетних школьников, но по мере взросления росло мастерство авторов, повышалась реалистичность и сложность композиций.

«Четыре всадника» Алеша Дюрина тянули на работу состоявшегося художника с многолетним опытом. Долго разглядывал пышные конские гривы и пестрое облачение вооруженных наездников.

Оленька порхала между рядами и снимала обстановку квадратно-гнездовым методом, неистово щелкая затвором, словно Джеймс Бонд, расстреливающий врагов пистолетами с двух рук. Если бы в ходу были пленочные фотоаппараты, редакция разорилась бы. А так – пусть порезвится, авось в ворохе отвратительных снимков заблудится парочка сносных.

В зал вошли посетители – мужчина и женщина лет сорока. Мужчина хмурил брови и шипел:

– Не понимаю, как ты уговорила прийти! Могли бы провести выходные дома. Я за неделю выматываюсь, можно мне хотя бы в субботу отдохнуть?

– Она обидится, если узнает, что мы забыли посетить выставку, – отвечала женщина. – Она старалась, для нее это важно. Знаешь, как она чувствительно к этому относится?

– Исключительно ради искусства, – сдался мужчина, и пара отправилась в начало экспозиции. Вадим Леонидович кинулся к ним, но они уклонились от его услуг и затерялись среди полотен.

Коренев оторвался от всадников и вознамерился закончить осмотр. До конца последнего ряда оставалась одна работа. Лениво подошел к картине, заключающей экспозицию, и обомлел. По рукам и ногам побежали мурашки, кожа стала гусиной, и кинуло в жар.

На него смотрела улыбающаяся женщина с широко разведенными уголками рта. Блестящие черные глаза вглядывались в растерянного зрителя. У лица на портрете отсутствовал язык, а там, где ему полагалось быть, размещалось с удивительной достоверностью выписанное кровавое месиво, обрамленное острыми акульими зубами.

Картина выделялась нездоровым фотореализмом, а надорванная бумажка в уголке сообщала лишь имя автора без названия: Логаева М. В., 16 лет. Коренев застыл, не в силах отвести взгляд.

– Это наша Машенька, – вывел его из оцепенения Вадим Леонидович. – Особый случай, интересная девочка. Молчаливая, отказывается говорить, находилась в группе с задержкой развития, хотя пишет грамотно, и речевой центр мозга в порядке. В Германию возили, но и там медицинских проблем не выявили и ничем помочь не смогли. Но когда она увидела объявление и сама притащила родителей в нашу студию, случилось настоящее чудо...

– Заговорила?

– Лучше! Начала рисовать. Обратите внимание на великолепную технику исполнения, ей легко даются и карандашные наброски, и масло, и акварель, будто она всю жизнь ждала

шанса продемонстрировать талант. Конечно, первые дни нервничала и боялась взять в руки кисть, но затем вошла во вкус.

– Я бы сказал, мрачновато, – Коренев тарасился на картину.

– Искусство – вещь многогранная, а самые сильные произведения, как правило, трагичны. Ну и не стоит отрицать, девочка выдерживает смелый стиль, не все взрослые смогут взять такую композицию.

– Знаете, от этой работы не по себе, физически неприятно. Не понимаю смысла картины. Членовредительство, кровь, отвращение, нездоровое впечатление...

– В хорошем произведении каждый находит собственный смысл, часто шокирующий, – возразил Вадим Леонидович. – Например, мне видится художник, которому не дают самовыражаться, – он подобен безъязыкому. Не иметь возможности творить – это по-настоящему страшно. Вероятно, Машенька воплотила своеобразный автопортрет.

Взгляд Коренева зацепился за трещину в рамке.

– Говорите, лучшая работа, а на раму поскупились.

– Знаете, вчера с этой картиной забавная история произошла. На выставку заявила группа нетрезвых молодых людей, и я бы их выгнал, но они нам выручку подняли по билетам. Не смотрите так осуждающе, искусство нуждается в средствах, и немалых... Так вот, один молодой человек переусердствовал с алкоголем, сорвал картину со стены и пытался растоптать, но друзья удержали его, и вся компания с извинениями удалилась. К счастью, все обошлось без полиции, хотя рамку спасти не удалось.

– Защита от варварства – задача непростая, – согласился Коренев. – Помню, писали о похожем случае в Третьяковке. Один из посетителей картину Репина повредил столбиком ограждения.

– Но история не закончилась, – продолжал Вадим Леонидович. – Буйный молодой человек разузнал мой телефон, позвонил утром, принес, как он выразился, искренние извинения, пообещал загладить вину и посодействовать с информационным освещением...

Вот тайна и раскрылась. А то «выставка хороша, выставка хороша»...

– Девушка с фотоаппаратом – Оленька Федотова, – сказал Вадиму Леонидовичу полупшепотом. – Пожалуйста, не говорите ей о вчерашнем происшествии, ей не понравится.

#2.

Проснулся в два часа ночи и минуты три размышлял, зачем Зинка из пятого подъезда попросила его присмотреть за пятилетним сыном. Вспомнил, что никакой Зинки не знает, а это имя в последний раз слышал в детском садике. Была у них старенькая воспитательница Зинаида Кузьминична, обожавшая напевать песенки из «Бременских музыкантов».

Потом пришел в себя и понял, что это лишь бессмысленный сон. Хотя иррациональное чувство некачественной работы осталось, так как за шустрым мальчиком следил из рук вон плохо. Впрочем, и мальчик попался на редкость вредный и капризный и не хотел кушать манную кашу с комочками.

Поплелся на кухню, водрузил на плиту чайник и в ожидании уселся за кухонный столик. Чайник упрямылся и не желал закипать, а за окном шумел недовольный каштан.

Включил радио, но оно вошло в стовор чайником – хрипело, шипело и отказывалось принимать сигнал. Вращение ручки из одного конца шкалы в противоположный не возымело эффекта. Правда, однажды мужской голос отчетливо произнес «А теперь для тех, кто не спит» и потонул в белом шуме.

Коренев обрадовался, так как был тем самым, кто не спал, но о чем ему хотели рассказать, узнать не удалось. Проклятая волна затерялась в мировом эфире и не желала возвращаться. В этот момент чайник засвистел, и Коренев едва не обронил радиоприемник.

– Чтоб ты долго жил! – пожелал чайнику и высыпал в кружку последнюю ложку растворимого кофе.

Выпил, распахнул форточку, вдохнул свежего ночного воздуха и вернулся к столу. Перетасовал фотографии по десятому кругу. Оленька не добралась до последнего ряда, поэтому среди запечатленных работ отсутствовала та самая, безымянная, воспоминания о которой занимали более всего.

После возвращения с выставки так и не заставил себя засесть за статью. О чем писать? Что детей нужно приучать к ужасам с младых ногтей? что жизнь – это череда неприятностей? что немая девочка рисует лица, лишенные языка? что главред «Вечернего города» схватил белочку, сорвал со стены полотно и решил загладить вину статейкой?

Выставка вызывала гнетущее впечатление, о котором Вадим Леонидович сказал бы: «Настоящее искусство призвано будоражить мысль и щекотать чувства. Если вы думаете о картине спустя часы и дни, значит, она сильна и автор справился с творческой задачей».

В точности зная ответ, принять его не мог. На заре журналистской карьеры ему доверили репортаж о сильных заморозках, парализовавших жизнь города. В память врезались картинки лежащих в подъездах бездомных – насмерть замерзшие люди казались заснувшими в неудобных позах. Было страшно, впечатляло безмерно, но это же не искусство? Является ли сильное впечатление главной задачей творчества и любые ли средства хороши в его достижении?

Чертовщина! Нужно повидать эту Машеньку – он не представлял, как должна выглядеть шестнадцатилетняя девушка, рисующая обезумевшие глаза и окровавленные рты. Тянуло глянуть на картину, чтобы через сверкающие блики зрачков разглядеть второй слой, дополнительный портрет – самого автора. Наверняка, это обычная невзрачная девчушка, во внешности которой ничто не выдает способности писать вызывающие бессонницу картины. Настоящий ужас таится в серости.

Возможность повторной встречи с кошмаром пугала и дразнила. Похожее ощущение возникало при просмотре фильмов ужасов. Когда на экране творилось членовредительство, он содрогался от отвращения, но нездоровое любопытство заставляло пересматривать эти эпизоды – жуткие, отвратительные, противные, но тошноты притягательные, вгрызающиеся в память. Решено! Нужно взглянуть на картину хоть мельком, чтобы проверить силу ощущений.

С этой мыслью и заснул, а утром побежал на выставку. В гардеробе швырнул бабушке куртку, схватил номерок и помчался к павильону.

– Мужчина, билетов нет, экспозиция закрыта, – сообщили в кассе.

– Как? – он испытал невообразимое разочарование. – Вчера еще работала, и я здесь был!

Поглядите, билетик остался!

– С чем вас и поздравляем. Вчера работала, сегодня не работает, что непонятного?

– Но как? – поймал сердитый взгляд кассира и осекся. – Спасибо. Пойду, не буду отвлекать.

– Приходите на выставку бытовой техники на следующей неделе, – сказали ему в утешение и захлопнули окошко.

Переложил папку в другую руку. Он приготовился увидеть холст в покореженной рамке и пережить смешанное чувство гадливости, страха и восхищения, а тут такое дело... С досады пнул ботинком урну и огляделся, не заметил ли кто.

Вадим Леонидович тащился по коридору с огромной папкой под мышкой. Он брел с опущенной головой и не отрывал ботинок от пола, поэтому по рассеянности едва не сбил Коренева.

– Добрый день. А куда делась экспозиция? В кассе сказали, она закрыта, но это, должно быть, ошибка.

– К сожалению, никакой ошибки нет, и выставка действительно закрыта с сегодняшнего дня, – сказал Вадим Леонидович бесцветным голосом. – Какие-то сердобольные граждане написали на меня жалобу, им, видите ли, не понравилась тема экспозиции, и теперь под вопросом работа самой студии...

– Давайте задействуем газету, подыдем общественность, – предложил Коренев. – Детей жалко, они старались.

– Спасибо, но лишний шум ни к чему.

Вадим Леонидович теребил цветастый галстук и глядел сквозь Коренева. Наконец, сфокусировался на расстегнутой пуговице кореневского воротника и спросил:

– А что вы, собственно, хотели?

– Меня заинтересовала история немой девочки. Вы так занимательно о ней рассказывали, и мне подумалось, почему бы не написать о ней отдельную статью. Я мог бы встретиться с девочкой, поговорить с ее родителями, подобрать работы для публикации...

– Если вы о Логаевой Машеньке, ничего у вас не получится, – сказал Вадим Леонидович. – Откажитесь от этой затеи.

– Почему? Я не собираюсь писать гадостей, мне хочется пообщаться с девушкой и раскрыть ее, как личность. Перспективный проект, о девочке узнают, ее творчеством заинтересуются, возможно, найдутся меценаты. Сами же говорили, как важно для искусства иметь финансовую поддержку.

– Вам понравилось? Вчера вы ворчали, что картина мрачная. За ночь передумали?

– Я и сейчас считаю картину угнетающей, но нельзя отрицать, что нарисовано сильно, по-взрослому.

Вместо ответа Вадим Леонидович направился к выходу.

Коренев в гардеробной обменял номерок на куртку, натянул ее на ходу и помчался за руководителем студии. Спускаясь по парадной лестнице выставочного центра, Вадим Леонидович неожиданно остановился и обратился к запыхавшемуся Кореневу:

– Андрей Максимович, пообещайте не искать Машеньку и не делать никакого интервью.

– Обещаю, – опешил Коренев. – Но почему?

– Ее родителям не понравится, а мне скандалы не нужны. К тому же, вы пообещали, а я вижу, человек вы порядочный и обещание сдержите.

Вадим Леонидович сжал тряпичную папку, собрал силы и побежал по лестнице, словно стремился оторваться от назойливого собеседника. Он семенил, сбивался с ритма и угрожающе спотыкался, но Коренев не сдавался и бежал следом, перескакивая через ступеньки.

– Почему вы уверены, что родителям не понравится? – кричал он вслед. – Они же должны понимать, что для девочки – это шанс, и их дочери он нужен позарез. Нужно использовать любую возможность, даже самую малую...

Вадим Леонидович остановился на последней ступеньке. Разогнавшийся Коренев зацепился новым ботинком за выступающую арматуру на полуразрушенной ступени. На коже носка образовалась уродливая царапина.

– Родители Машеньки на выставке увидели ее работы, пришли в ужас и написали жалобу, приведшую к закрытию экспозиции, – пояснил Вадим Леонидович. – Вы же не хотите, чтобы после вашего визита они с криками и воплями прибежали ко мне и начали обвинять в причинении новых психологических травм их девочке? Они ее из детского дома взяли и стараются оберегать от стрессов. Ясно?

#3.

Домой вернулся в расстроенных чувствах – и новую обувь испортил, и картину не увидел, и статья о девочке развалилась к чертям. С досады швырнул ботинки в угол, разделся столь яростно, что на рубашке отлетела пуговица. Свалил вещи в кучу на стуле, переоделся в домашнее. Спихватился, что забыл купить кофе с чаем, и засел за статью о выставке.

То ли впечатления оказались мрачными, то ли испорченное настроение сказалось, только статья застопорилась и не продвигалась дальше трех вступительных фраз. Каждое слово давалось с трудом, словно какая-то невидимая сила твердила «Не нужно! Не пиши! Забрось!»

В отчаянии сбегал в чайный магазин и закупились на три месяца вперед, протер мебель от пыли, перемыл посуду, вынес мусор и заточил до бритвенной остроты ножи, словно собирался готовить праздничный ужин на пятьдесят персон. К сожалению, на этом список дел закончился, и он вновь оказался один на один со статьей.

От начинающегося сумасшествия спас звонок в дверь.

По характерному шуршанию и вздохам узнал Нину Григорьевну – старушку лет за восемьдесят. Она обитала в соседней квартире, раз в год ездила к детям и внукам в гости и оставляла Кореневу ключи, чтобы тот поливал цветы и кормил кога. Кот на Коренева смотрел настороженно, видимо, подозревал в недостатке. Дескать, тот дает ему половину причитающегося корма, а остальное съедает сам. Кошачий корм и впрямь завораживал мясным ароматом.

В поисках собеседника старушка забредала в гости с пустяковыми просьбами, а в благодарность за криво заколоченный гвоздь угощала домашней выпечкой.

– Пирог испекла. Печь люблю, а есть нельзя – доктор не разрешает, – сообщила Нина Григорьевна. – Покушай, тебе еще можно.

Она протянула огромное блюдо, на котором, кроме самого пирога, лежал нож с широким лезвием и прорезиненной ручкой фиолетового цвета.

Возвращаться к ненавистой статье не хотелось, и он пригласил Нину Григорьевну на чай. Пока закипал чайник, расчленил фиолетовым ножом пирог, украшенный румяной плетенкой. Из недр пористого теста выступило вишневое повидло – ярко-красное, ароматное, словно родом из далекого детства.

– Не понимаю сегодняшнюю молодежь, им бы развлекаться, да развлекаться. Что-то там встречаются, расходятся, какие-то гражданские браки понавыдумывали. Делают вид, что так и надо, а сами обычной срамотой занимаются, – жаловалась Нина Григорьевна, глядя на Коренева, лениво жуящего кусок пирога. – Да-да, в мое время срамотой и называлось.

Лекция о безнравственности современной молодежи сменилась жалобами на внучку. Коренев обреченно кивал и прихлебывал остывающий чай.

– Она девочка хорошая, смышленная, строгая. Ее весной начальником отдела поставили – балбесов по офису гоняет. Говорю ей, ты шибко умная, так и мужика не найдешь, а она мне: бабушка, ты ничего не понимаешь в современных отношениях. Девятый десяток на свете живу, а ничего не понимаю! Надо же такое ляпнуть! Все я понимаю, из ума не выжила еще. Готовить нужно уметь, попривыкли к микроволновкам, а от них радиация и волны всякие вредные!

С внучкой Нины Григорьевны Коренев был знаком. Тамарка, заезжая на недельку в гости к бабушке, ходила в коротком черном платье в тон к крашеным волосам и не единожды ночевала у Коренева дома. В столице ей было скучно, и она с упоением лечила скуку в гостях у бабушки. Для Нины Григорьевны этот факт оставался тайной, и она энергично продолжала сватать внучку.

– Жениться тебе надобно, – говорила Нина Григорьевна.

– Надобно, – отзывался он эхом. Ему не хотелось развивать эту неприятную тему.

Ване плешь проели женитьбой, и он сдался – на него смотреть жалостно, ходит понурый, будто жертва Освенцима, и цедит из фляги двухзвездочный коньяк.

Коренев так не хотел. Мужчина, думал он, может обзавестись наследником в любом возрасте, а именно сейчас он не был готов ни к серьезным отношениям, ни к воспитанию детей. Его устраивали краткосрочные связи – в мире полным-полно женщин, и глупо останавливаться на одной при наличии бесконечного выбора. Если уж остепеняться, так после перенасыщения, когда тошнит и не хочется ничего, кроме семейного покоя, камина и двух детишек, дерущихся за железную дорогу на коврике.

– Видела вчера, как от тебя девочка выходила, – сказала Нина Григорьевна. – Симпатичная девчушка, поздоровалась. Смотрю на нее и понимаю – тебе нужно на ней жениться.

В долгосрочные отношения с Ленкой Коренев вступать не собирался. Чтобы понапрасну не обнадеживать старушку, соврал, что расстались, а то ведь начнет караулить Ленку, закармливать пирожками и расхваливать Коренева на все лады, спугнет, и тогда личной жизни точно кранты.

Зазвонил мобильный телефон, забытый в зале на столе. Ринулся к нему, оставив Нину Григорьевну вздыхать над пирогом.

– Здоров, продажная журналистика! – поприветствовал знакомый голос.

Виталик подшучивал над Корневым еще со студенческих времен, но тот не обижался и за словом в карман не лез.

– Чем занимаешься?

– Чай с бабушкой пью.

– Не знал, что она еще жива.

– Бабушка чужая, в аренду беру.

– Тебя на зрелых потянуло?

– Иди к чертовой бабушке! Я ей как сын или внук. Чего хотел-то? – если Виталика не остановить, будет острить до позднего вечера.

– Парилку заказал, собирайся. Договаривались же...

Еженедельные «спонтанные» сауны-джакузи воспринимались как проклятие. Сидеть в жаре и задыхаться – сомнительное удовольствие. Увы, Виталик очистительный ритуал почти никогда не пропускал. Так он отдыхал от жены.

– Чего задумался? Ты должен вилять хвостом и собирать полотенца! Бегом! Я под твоим подъездом стою, – приказал Виталик и положил трубку, на корню пресекая все возражения.

А как же статья? Ваня мозг чайной ложечкой выскребет, если за сегодня ничего не родится. Взглянул на десяток слов, которые с трудом вытошнил за половину дня, и плюнул – пропадать, так с цыганами и плясками. Надо будет придумать убедительное оправдание за невыполненное поручение.

Бросился к рюкзаку и принялся утрамбовывать халат и полотенца.

– Андрюшенька, ты куда пропал?

Чуть не выронил сумку, потому что увлекся и забыл о старушке, оставшейся на кухне.

– Нина Григорьевна, вызвали по работе, я должен бежать, срочное дело.

– Поняла, поняла... Ухожу, не мешаю, блюдо с пирогом на кухне оставляю – занесешь, как доешь.

Коренев швырнул сумку на стул и проводил Нину Григорьевну к двери. За три метра короткого пути она успела напомнить, что «ему необходимо жениться, питается он плохо, а в углах паутина развешана, и не хватает заботливой женской руки, которая наведет порядок в его холостяцком логове, а с Леной пусть помирится – если надо, она сама с ней поговорит и расскажет, какой он хороший парень».

К концу ее утомительной речи хотелось расстрелять половину человечества. Корнев ненавидел болтливых людей, говорящих много, не по делу, и не замечающих, как своими словами причиняют собеседнику дискомфорт.

Уже на пороге Нина Григорьевна спохватилась:

– Ужас, я дверь закрыть забыла! На минутку выбегала да задержалась! Совсем память испортилась к старости, витамины не помогают. А с девочкой тебе помириться надо, я с ней обязательно поговорю, как увижу.

И она убежала проверять, не забрел ли кто в квартиру в ее отсутствие.

#4.

Коренев вышел из подъезда. Водитель темно-синей «Нивы» дважды просигналил для привлечения внимания. Из богатого автопарка Виталик предпочитал отечественный внедорожник. Это объяснялось тем, что на иномарке мощь не чувствуется – не ревет, не дребезжит, не взлетает при разгоне.

– Где пропал? Хотел без тебя ехать... – крикнул Виталик через приспущенное стекло.

Коренев уселся рядом с водителем и забросил сумку на заднее сиденье к остальному хламу, который Виталик возил с собой по работе – в основном, инструменты, кусок доски и моток проволоки.

Когда отъезжали, заметил на мизинце темно-красное пятно. Видимо, вляпался в вишневое повидло из пирога. Послюнявил палец и вытер.

– Чего дергаешься? В краску измазался? – спросил Виталик, выруливая из тесного двора.

– В повидло. Нина Григорьевна закармливает пирожками и прочей сдобой. Я и в редакцию носил – там тоже всех тошнит. Ваня даже в качестве закуски отказывается брать.

– Выбрасывай, – предложил Виталик. – В черных закрытых пакетах. Для маскировки.

За последние годы он накушал животик и сгонял лишний жир диетами и парилками, воспитывая в себе презрение к высококалорийной еде.

– Жалко, она все-таки старается, печет... – возразил Коренев.

Ситуацию усугубляло желание Нины Григорьевны приправить пирожки щепоткой лекций о пользе женитьбы. И ведь никто не гарантировал прекращение лекций после гипотетической свадьбы – существовало огромное количество вещей, которые Коренев делал неправильно.

– Терпи и мучайся, – постановил Виталик и выехал через арку в город. – Или двери не открывай, типа дома никого нет, приемный день в следующем году в четный вторник нечетного месяца.

– Не поможет, она через окно отслеживает, когда я прихожу, когда ухожу и, самое главное, с кем.

– Она знает, что ты ее внучку того-этого?

Виталик возил Тамарку с Кореневым и Ваней на шашлыки, и она ему явно приглянулась. Во всяком случае, он не оставлял попыток как бы невзначай ее приобнять.

– Типун тебе на язык, – возмутился Коренев. – Я на самоубийцу похож?

– Вдруг с досады пирожки таскать перестанет. Чем черт не шутит.

– Если бы. Она скорее скажет, что я, как честный человек, должен на ее Тamarке жениться. Она и так сватает мне ее по пять раз на день.

– Ну ты и жук, морда у тебя смазливая, вот бабы на шею сами и бросаются, – ухмыльнулся Виталик. – Я бы на твоём месте Тамарку взял, шикарная девка, боевая. С искоркой.

– Вот и бери, коли охота.

– Мне нельзя, я солидный человек, женатый и с двумя детьми.

– Это не мешает тебе зажигать по саунам и клубам.

– Не сравнивай хрен с пальцем, – возразил Виталик. – Не путай простое развлечение и Тамарку... Поспешил я с женитьбой. Надо Ваню предупредить – пусть расторгает свою помолвку, хмырь небритый, пока не поздно отыграть на попятную. Я-то по залету, а ему зачем страдать? Он за собой уследить не может, а детей ему вообще доверять нельзя – либо он их споит, либо сами сопьются.

Коренев и Виталик когда-то учились на журфаке в одной группе. Коренев мечтал связать жизнь с большой литературой и после выпуска устроился в редакцию, чтобы набраться опыта и расписать перо. Ремесло журналиста приелось через год – хобби, ставшее работой, утратило

привлекательность. Сменил несколько изданий, попутешествовал по стране, вернулся в родной город и напросился к Ване, с которым жил в одном дворе. Платили мало, но больше ничего не умел, а работать руками ненавидел.

Виталик проделал обратный путь. Он и сам не мог объяснить, на кой черт поступил на журфак. Сам момент поступления он не запомнил, поэтому подозревал, что все произошло на спор по пьяному делу. Но оказалось, он умеет писать и делает это отлично – его первые рассказы опубликовали в сборниках начинающих и подающих. Кореневу приходили только отказы – ни одного самого паршивого маленького рассказика к публикации не приняли.

После диплома Виталик не написал ни строчки и с головой ушел в бизнес – открыл фирму по ремонту квартир, строительный магазин и мебельный цех.

– Тратить жизнь надо в удовольствие, – говорил он, когда Коренев интересовался, почему Виталик не хочет писать. – А попадать в историю мне незачем. Взгляни на наших писателей. Один повесился, второго сослали, третий с ума сошел, этого расстреляли, напасть какая-то! Какую писательскую судьбу ты бы предпочел?

Кореневу хотелось умереть от старости в здравом уме и светлой памяти.

Несмотря на прекращение литературной карьеры, Виталик продолжал поддерживать дружбу с бывшими одногруппниками и вытаскивал их на развлекательные мероприятия, заканчивавшиеся пьяными околослитературными рассуждениями – смерть классического романа, бессмысленность модернизма и перспективы современной литературы. На следующей стадии опьянения начиналось обсуждение постмодернизма, а затем, когда литературные дискуссии заходили в теологический тупик, Виталик по памяти читал «гарики» Губермана. В особо запущенном случае в ход шел Барков или то, что ему приписывают. Коренев, как правило, сходил с дистанции задолго до «Луки Мудищева».

– Девушек не приглашал?

– А надо было?

– Нет, настроение неподходящее.

– На тебя не похоже, – Виталик хихикал, но от дороги не отвлекался. – Стареешь...

Наличие женщин скрашивало однообразный банный ритуал, но сегодня не хотелось изображать флирт с незнакомыми хохочущими девушками.

Едва Коренев отвлекался от разговора, как перед внутренним взором представало лицо женщины с вырванным языком. Чертовщина какая-то. Кто надоумил Машеньку нарисовать эту чушь? Может, правы ее приемные родители, и не следует поощрять в детях мрачные фантазии?

– Ты в картинах разбираешься?

– В чем? – переспросил Виталик. Он сосредоточенно маневрировал на парковке.

– В живописи, балда.

– Ты сегодня странный какой-то, – сказал Виталик и заглушил двигатель. – Дай угадаю. Собрался завязать с книгами и переключиться на картины?

– Не-ет, я с призванием определился, – Коренев через силу засмеялся.

Через пятнадцать минут они сидели в шапочках и истекали потом. Коренев в первые посещения задыхался и воспринимал всю процедуру как добровольное самоистязание, но терпел и прислушивался, как горят кожа и внутренности.

Виталик поглядывал на термометр, подливал на шипящие камни воду из ковшика и приговаривал:

– Ванна с душем – ерунда! Очиститься можно только в парилочке. И поры прочистятся, и мертвые клетки уйдут, и простуды с прочими хворями сбегут.

Дышать нужно было носом, не открывая рта, но Виталика тянуло пообщаться:

– Как Ваня?

– Готовится к женитьбе.

– Каким образом? Коньяк пьет?

– Вроде того.

– Слушай, да пошли ты его на фиг! – предложил Виталик. – Иди ко мне в мебельный цех, зарплата вчетверо больше, чем у Вани.

– Нет уж! У меня руки из одного места растут, я гвоздь с трудом забиваю, а мой шкаф никакой клиент не примет. Даже слепой.

– Во-первых, слепые – самые дотошные; ты глазом не увидишь, а он этот миллиметровый недочет нащупает, будь здоров. А во-вторых, будешь не делать, а рисовать. За месяц освоишься. Корпусная мебель – штука простая.

Коренев отказался. На жизнь ему хватало, а рисовать шкафы со столами претило. Он, в отличие от Виталика, не собирался порывать с литературным поприщем.

– Не порывай, – не сдавался тот. – Нарисовал кухонный гарнитур, пришел домой – и кропай нетленку в полное свое удовольствие. Ты же «сова» – у тебя по вечерам самые продуктивные часы идут, час – за три.

Он подлил воды из ковша, и дыхание сперло. Красный столбик на термометре пополз вниз.

– Кстати, как твоя нетленка?

– Никак, – Коренев закашлялся.

Последние пару лет он писал первый роман. Говорят, это похоже на изучение иностранных языков – первый заходит сложно, но каждый последующий проглатывается быстрее предыдущего. Большая форма давалась с трудом и требовала основательного подхода, но получившийся черновик никуда не годился.

– Чуть полная получается, – пожаловался Виталику. – Делаю все по науке – конфликты, завязки-развязки, развитие, трехчастная структура – а в результате тоска зеленая и муть несусветная. Самого печаль берет, когда читаю. И стилистику правил, и сюжет крутил в бараний рог, а они никак не оживают. Жизни нет, один набор действий – герой пошел, взял, сказал, будто робот.

– Может, это заговор со стороны литературных персонажей? – пошутил Виталик. – Ты им не платишь, они бастуют. У них же есть профсоюз?

– Слушай! Давай, дам тебе почитать. Поглядишь опытным взглядом и выскажешь авторитетное мнение...

– Ни в коем случае! Я завязал! – воспротивился Виталик. – Зачитаюсь твоей нетленкой, возьмусь за ручку, начну править, увлекусь. Нет! Не надо мне литературы, и без нее неплохо живется.

Выбрались из парилки и уселись за стол в предбаннике, подложив на скамейки полотенца. Виталик разлил по рюмкам водочку и разложил небогатую закуску.

– Может, не стоит? – скривился Коренев. – Говорят, вредно в баньке принимать. Давление прыгнет – и хана.

– Типун тебе на язык. Кровь погоняешь, мозг прочистится, авось умная мысль придет на досуге, – Виталик хихикнул. – Когда протрезвеешь, конечно.

Коренев сдался и принялся гонять кровь, но закусывать не забывал, чтобы в момент прихода правильной мысли быть достаточно трезвым для ее запоминания.

На стадии обсуждения перспективных направлений постмодернизма изрядно набравшийся Виталик задрал указательный палец и объявил:

– Знаю, что с твоей нетленкой делать!

– Сжечь и не пытаться писать?? – предположил Коренев.

– Это радикальный способ, но тоже хороший, я бы сказал, лучший, – согласился Виталик. – Но я хотел предложить съездить к Дедуле.

– Куда? – не понял Коренев. Язык с трудом двигался во рту. – Какой дедуля?

– Это у него кличка такая, – пояснил Виталик. – Он очень старый – сколько его помню, всегда стариком был, его так и кличут – Дедуля. В советские годы в союзных журналах редактором работал, научился читать подтекст и находить скрытый смысл. Десятилетиями этим занимался, столько перечитал начинающих авторов, ему взгляда хватает для определения уровня рукописи и ее проблем. Старая школа! К нему тебе и надо на поклон.

Виталик съел кружок сырокопченой колбасы.

– Я и сам знаю свои проблемы, – Кореневу претила мысль ехать к непонятному Дедуле, которому сто лет в обед.

– Это ты думаешь, что знаешь, – возразил Виталик. – А он тебе поставит точный диагноз и даст дельный совет. Тебе надо к нему поехать, он в поселке живет под столицей. Съездишь к нему, заодно Тамарку навестишь.

Он опять захихикал и полез по карманам куртки искать адрес Дедули. Наконец, нашел скрученную в трубочку бумажку.

– Бери-бери, пока я добрый. Я тоже к нему ездил с рассказами, когда на журфаке учился. Сделал, как он сказал, и к публикации приняли. Помнишь?

Коренев помнил.

– А фамилия-имя-отчество у него есть? – спросил он, держа в руках измочаленный листочек в клеточку, озаглавленный «Дедуля».

– Наверное, имеются, но никто не помнит за ненадобностью. Не бойсь, его там каждая собака знает, не потеряешься.

– А зачем ему мне помогать? Он за консультацию дорого просит?

– Ничего не берет, – замотал головой Виталик, – настоящий дедушка-бессребреник, занимается альтруизмом из любви к искусству. Но характер тяжелый, нордический – если ему не понравиться, может выгнать вшей, а ежели приглянешься – чуть ли не за тебя начисто переписшет. Черт его знает, как повезет...

Коренев держал листок с адресом и кивал. Он протрезвел и почти не слушал продолжающего тархтеть Виталика.

#5.

Из парилки пришлось возвращаться своим ходом.

Виталик соблюдал правила дорожного движения и не ездил в нетрезвом виде, поэтому по телефону вызвал жену.

– Должны же быть преимущества в семейной жизни, – повторял он, пока они на стоянке ожидали приезда Тани. – Она женщина хорошая, но скучная и правильная, а мне нравятся плохие девочки. Ты понимаешь, о чем я?

Он хихикал, пока Коренев удерживал его тушу от падения.

Через пятнадцать минут общественным транспортом приехала Татьяна, и они совместными усилиями запихнули Виталика на заднее сиденье.

– Поехали с нами! – предложил Виталик, устраиваясь среди инструментов и проволоки. – Таня тебя подкинет.

Татьяна поглядела на мужа суровым взглядом, и Коренев предпочел отказаться от щедрого предложения. Он знал, что она его недолюбливала и считала ответственным за негативное влияние на мужа. Ну не виноват же он, что Виталик его с собой таскает! Это еще вопрос, кто на кого влияет.

– Пройдусь, свежим воздухом подышу, – сказал он и махнул рукой а-ля Брежнев. – Мне недалеко.

– Как хочешь, наше дело предложить... – пробормотал Виталик и захрапел.

«Нива» уехала, а Коренев закутался в куртку. Начавшийся дождь привел его в чувство, и на подходе к дому он почти протрезвел, хотя голова продолжала кружиться.

У двери долго не мог подобрать ключ. Связка за годы разрослась, потому что коллекционировал ненужные ключи – вдруг подойдет к нужному замку. Во мраке лестничной клетки путались цвета. Искал золотистый и никак не мог вычислить. Тогда решил поочередно вставлять ключи в замочную скважину и пытаться провернуть в надежде, что замок не заклинит.

На очередной попытке зацепился взглядом за приоткрытую дверь соседней квартиры, где жила Нина Григорьевна. Должно быть, опять забыла захлопнуть, старческий склероз в действии.

Вгляделся в темноту щели. Робко постучал, потом сильнее, позвонил от души, выслушал имитацию соловьиной трели, но ответа не дождался. В глубине квартиры что-то шелестело с неправильным ритмом.

У него с прошлого лета остался ключ от квартиры Нины Григорьевны, и он мог запереть дверь, но следовало проверить, все ли в порядке с хозяйкой. В таком возрасте сердце может остановиться в любой момент.

Окончательно протрезвел и приоткрыл дверь. Его встретил полный мрак.

– Нина Григорьевна! – крикнул в темноту, надеясь не напугать бабушку до смерти. Тут и здоровый человек испугается, если у него по квартире будут бродить непрошенные гости. – Это Андрей, ваш сосед! Ау! Дверь забыли закрыть! Есть кто дома?

Темнота отвечала полным молчанием, перебиваемым таинственным шуршанием.

– Нина Григорьевна... – позвал в очередной раз и заткнулся. Если бы кто-то был, отозвался бы.

Вошел в прихожую, нащупал выключатель. Свет ударил в привыкшие к темноте глаза. Подождал на пороге реакции хозяев и прямо в ботинках прошел вглубь квартиры. Он заглядывал в комнаты и повторял мантру «Ау! Нина Григорьевна? Есть здесь кто? У вас дверь открыта!» С каждым мгновением происходящее нравилось ему все меньше.

В зале на него из темноты взглянули два блестящих глаза и зашипели.

– Барсик! Где хозяйка?

Чего он, действительно, к коту прицепился? Если кот ответит, можно от страха в штаны наложить. Барсик, к счастью, промолчал – прошмыгнул между ногами, пересек коридор и исчез за входной дверью.

– Бешеный какой-то, – сказал Коренев сам себе. – Пусть под дождиком погуляет, скотина мелкая.

Оставалась кухня. Видно, Нина Григорьевна ушла и по рассеянности забыла запереть входную дверь.

На первом же шаге влип во что-то мягкое и скользкое.

– Чертовщина...

На полу лежала банка с вытекающим повидлом. В середине клейкой лужицы красовался свежий отпечаток собственного ботинка. Ткнул пальцем, попробовал на вкус.

Вишневое. То самое, которое было в пироге.

– Нина Григорьевна! – позвал снова, но уже с тревогой в голосе. До разбитой банки на полу еще теплилась надежда на благополучный вариант развития событий, но теперь иллюзии рассеялись.

Включил свет на кухне и увидел источник шуршащих звуков – в открытой форточке на сквозняке болтался кулек, зацепившийся за ручку. С его помощью Нина Григорьевна боролась с навязчивыми голубями, гадающими на подоконник.

Сама старушка сидела за столом, лицом к окну, спиной к двери. Она положила голову на столешницу, и Кореневу был доступен для обозрения ее затылок, переходящий в растрепанный хвостик из коротких седых волос, по случаю подкрашиваемых в светло-русый цвет. Измятый домашний халат леопардовой расцветки зацепился за стул, и через задранный край проглядывала ночная рубашка с узором из фиалок.

– Нина Григорьевна, – позвал потухшим голосом, догадываясь, что она не ответит. – Черт, черт, черт! Почему я не пошел к себе, а решил сделать доброе дело? Вечно нахожу приключения на задницу!

На полу лежали разбитые банки, вилки, осколки разбитых тарелок, словно по кухне пронёсся ураган, смел кухонную утварь и со злостью пошвырял на пол. Вишневое повидло разлилось морем, и Коренев не сразу заметил, что стол забрызган не вишней, а кровью.

– Приплыли, – он потрепал старушку за плечо. – Нина Григорьевна...

Ее голова запрокинулась. Он увидел белое обезображенное лицо, с отвращением отвернулся и выругался.

Все было в точности, как на рисунке Логаевой Маши – надрезанные уголки рта, раскрытые глаза и вырванный язык. Зрелище неприятное и холодящее кровь, будто Нина Григорьевна перед смертью обратилась в скалящегося монстра. Брезгливо опустил ее голову на стол, не в силах видеть кровавый оскал.

Это оказалось немногим хуже, чем на картине – девочке хватило таланта передать внешнюю отвратительность. Но в этот раз вместо произведения искусства наблюдались последствия жестокого убийства. Слишком уж невероятные совпадения для случайности.

На глаза попался нож с синей ручкой, лежащий на столе перед Ниной Григорьевной. Одного взгляда на покрытое кровью лезвие хватило, чтобы сообразить – им и производились хирургические операции.

– Твою ж мать...

Этим ножом он днем резал пирог у себя на кухне и на ручке остались его пальцы. Там могли оказаться и отпечатки убийцы, но Коренев почему-то сразу решил, что найдутся только его следы и Нины Григорьевны.

Влип по самые помидоры.

Первым порывом было схватить салфетку и вытереть ручку ножа, но в последний момент сдержался. Прознают, и будешь объяснять, почему заметал следы, если не виноват.

Выключил свет и вышел из квартиры. В коридоре остались красные отпечатки от повидла, тянущиеся до самой двери. От себя вызвал по телефону полицию и замер, вслушиваясь в шуршание веток за окном: не бродит ли убийца поблизости?

Выбежал на улицу и до приезда наряда сидел на скамейке в тонкой курточке. Его трясло от вечернего холода.

Подъехали два автомобиля. Дрожа, словно в тумане, вел за собой людей в погонах, заходил на кухню, показывал расположение комнат и выслушивал удивленные возгласы при виде увечий Нины Григорьевны. Наконец, один из оперативников представился следователем – Знаменским Денисом Ивановичем – и увел в зал для составления протокола, пока остальные продолжали осматривать место преступления.

– Фамилия-имя-отчество?

После стандартных анкетных вопросов перешли к непосредственному сбору показаний. Честно рассказал, как провел сегодняшний день. Начал с прихода Нины Григорьевны в гости, упомянул Виталика и продиктовал его телефонный номер. Жена, конечно, убьет Виталика, если узнает о звонке из полиции, но тут уж не семейных драм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.